

*Рекомендательный список книг для чтения в рамках
акции «Читаем детям о войне» для 8–9 класса*

1. Адамович А. М. Хатынская повесть
2. Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга
3. Айтматов Ч. Т. Ранние журавли
4. Алексин А. Г. В тылу как в тылу
5. Алексин А. Г. Сигнальщики и горнисты
6. Бакланов Г. Я. Навеки – девятнадцатилетние
7. Бакланов Г. Я. Пядь земли
8. Бек А. А. Волоколамское шоссе
9. Бирюков Н. З. Чайка
10. Богомолов В. О. Зося
11. Богомолов В. О. Иван
12. Быков В. Альпийская баллада
13. Васильев Б. Л. А зори здесь тихие...
14. Васильев Б. Л. В списках не значился
15. Воинов А. Отважные
16. Воробьев К. Убиты под Москвой
17. Горбатов Б. Л. Непокоренные
18. Дольд-Михайлик Ю. И один в поле воин
19. Драгунский В. Ю. Он упал на траву...
20. Дубровин В. Б. Мальчишки в сорок первом
21. Думбадзе Н. В. Я вижу солнце
22. Закруткин В. А. Мать человеческая
23. Каверин В. Два капитана
24. Казакевич Э. Г. Звезда
25. Кирносов А. А. Ни дня без победы
26. Кобец-Филимонова Е. Г. Жаворонки над Хатынью
27. Кожевников В. М. Март – апрель
28. Колесов К. П. Самоходка номер 120

29. Кондратьев В. Л. Сашка
30. Коробьев К. Это мы, господа!
31. Космодемьянская Л.Т. Повесть о Зое и Шуре
32. Костерина Н. Дневник Нины Костериной
33. Кошечкина Е. Н. Повесть о сыне
34. Курочкин В. А. На войне как на войне
35. Левин Ю. А. Комбат
36. Лиханов А. А. Крутые горы
37. Лиханов А. А. Мой генерал
38. Лиханов А. А. Последние холода
39. Медведев Д. Сильные духом
40. Митяев А. В. Подвиг солдата
41. Мусатов А. И. Клава Назарова
42. Никитин С. К. Падучая звезда
43. Носов Е. Красное вино победы
44. Первенцев А. Огненная земля
45. Пикуль В. Мальчики с бантиками
46. Полевой Б. Н. Повесть о настоящем человеке
47. Поликарпова Т. Н. Листья будущего лета
48. Приставкин А. А. Ночевала тучка золотая
49. Резник Я. Наш уральский танковый
50. Рождественский Р. Реквием
51. Румянцев Б. Побратимы Гастелло
52. Самсонов С. Н. По ту сторону
53. Симонов К. Третий адъютант
54. Степанов В. А. Рота почетного караула
55. Сухачев М. П. Дети блокады
56. Твардовский А. Т. Василий Тёркин
57. Трофимов А. И. Повесть о лейтенанте Пятницком
58. Уварова Л. З. Теперь или никогда!
59. Фадеев А. А. Молодая гвардия
60. Чуковский Н. К. Морской охотник
61. Шмерлинг С. Б. Десант
62. Шмерлинг С. Б. За час до атаки
63. Шолохов М. А. Судьба человека

Методические рекомендации по обсуждению прочитанного

В рамках акции «**Читаем детям о войне**» могут быть прочитаны как целые произведения, так и отрывки из книг. Рекомендуется провести вступительную беседу, а после чтения – задать вопросы, побеседовать о прочитанном.

Для облегчения работы по поиску и обработке материала приводим примеры художественных произведений о Великой Отечественной войне с возможными вариантами вопросов. В списке эти произведения выделены красным цветом. Обращаем ваше внимание на то, что и список книг, и вопросы по произведениям носят исключительно рекомендательный характер. Данное пособие не претендует на абсолютную полноту.

Вопросы для вступительной беседы:

1. Какое знаменательное событие празднуется 9 мая?
2. Дата начала Великой Отечественной войны?
3. Дата окончания Великой Отечественной войны?
4. Сколько лет прошло со дня окончания Великой Отечественной войны?
5. Почему войну 1941-45 годов назвали Великой Отечественной?
6. Почему люди до сих пор помнят эту войну?
7. Почему наш народ одержал победу над фашизмом?
8. Что есть Родина для каждого из нас?

Носов Е. И. Красное вино Победы. Отрывок *

Рухнул, капитулировал наконец и сам Берлин! Но этому как-то даже не верилось.

Мы жадно разглядывали газетные фотографии, на которых были отсняты бои на улицах фашистской столицы. Мрачные руины, разверстые утробы подвалов, толпы оборванных, чумазных, перепуганных гитлеровцев с задранными руками, белые флаги и простыни на балконах и в окнах домов... Но все-таки не верилось, что это и есть конец.

И действительно, война все еще продолжалась. Она продолжалась и третьего мая, и пятого, и седьмого... Сколько же еще?! Это ежеминутное ожидание конца взвинчивало всех до крайности. Даже раны в последние дни почему-то особенно донимали, будто на изломе погоды.

От нечего делать я учился малевать левой рукой, рисовал всяких зверюшек, но все во мне было настороженно - и слух, и нервы. Саенко и Бугаев отсиживались в палате, деловито и скучно шуршали газетами. Бородухов, наладив иглу, принялся чинить распоровшийся бумажник, Саша Самоходка тоже молчал, курил пайковый "Дюбек", пускал дым себе под простыню, чтобы не заметила дежурная сестра. Валялся на койке Михай, разбросав по подушке культи, разглядывал потолок. На каждый скрип двери все настороженно поворачивали головы. Мы ждали.

Так прошел восьмой день мая и томительно тихий вечер.

А ночью, отчего-то вдруг пробудившись, я увидел, как в лунных столбах света, цепляясь за спинки кроватей, промелькнул в исподнем белье Саенко, подсел к Бородухову.

- Спишь?

- Да нет...

- Кажется, Дед приехал.

- Похоже - он.

- Чего бы ему ночью...

По госпитальному коридору хрустко хрумкали сапоги. В гулкой коридорной пустоте все отчетливей слышался сдержанный голос начальника госпиталя полковника Туранцева, или Деда, как называли его за узкую ассирийскую лопаточку бороды. Туранцева все побаивались, но и уважали: он был строг и даже суров, но считался хорошим хирургом и в тяжелых случаях нередко сам брался за скальпель. Как-то раз в четвертой палате один кавалерийский старшина, носивший Золотую Звезду и благодаря этому получавший всяческие поблажки - лежал в отдельной палате, не позволял стричь вихрастый казачий чуб и прочее, - поднял шум из-за того, что ему досталась заштопанная пижама. Он накричал на кастеляншу, скомкал белье и швырнул ей в лицо. Мы в общем-то догадывались, почему этот казак поднял тарарам: он похаживал в общежитие к ткачихам и не хотел появляться перед серпуховскими девчатами в заплатанной пижаме. Кастелянша расплакалась, выбежала в коридор и в самый раз наскочила на проходившего мимо Туранцева. Дед, выслушав в чем дело, повернул в палату. Кастелянша потом рассказывала, как он отбрил кавалериста. "Чтобы носить эту Звезду, - сказал он ему, - одной богатырской груди недостаточно. Надо лечиться от хамства, пока еще не поздно. Война скоро кончится, и вам придется жить среди людей. Попрошу запомнить это". Он вышел, приказав, однако, выдать старшине новую пижамную пару.

И вот этот самый Дед шел по ночному госпитальному коридору. Мы слышали, как он вполголоса разговаривал со своим заместителем по хозяйственной части Звонарчуком. Его жесткий, сухой бас, казалось, просверливал стены.

- ...выдать все чистое - постель, белье.

- Мы ж тильки змэнили.

- Все равно сменить, сменить.

- Слухаюсь, Анатоль Сергеич.

- Заколите кабана. Сделайте к обеду что-нибудь поинтереснее. Не жмитесь, не жалеите продуктов.

- Та я ж, Анатоль Сергеич, зо всий душою. Всэ, що трэба...

- Потом вот что... Хорошо бы к обеду вина. Как думаете?

- Цэ можно. У мэни рэктификату йе трохы.

- Нет, спирт не то. Крепковато. Да и буднично как-то... День! День-то какой, голубчик вы мой!

- Та яснэ ж дило...

Шаги и голоса отдалились. "Бу-бу-бу-бу..."

Минуту-другую мы прислушивались к невнятному разговору. Потом все стихло. Но мы все еще оцепенело прислушивались к самой тишине. В ординаторской тягуче, будто в раздумье, часы отсчитали три удара. Три часа ночи... Я вдруг остро ощутил, что госпитальные часы отбили какое-то иное, новое время... Что-то враз обожгло меня изнутри, гулками толчками забухала в подушку напрягшаяся жила на виске.

Внезапно Саенко вскинул руки, потряс в пучке лунного света синими от татуировки кулаками.

- Все! Конец! Конец, ребята! - завопил он.- Это, братцы, конец! - И, не находя больше слов, круто, яростно, счастливо выматерился на всю палату.

Михай свесил ноги с кровати, пытаясь прийти в себя, как о сук, потерял глазами о правый обрубок руки.

- Михай, победа! - ликовал Саенко.

Спрыгнул с койки Бугаев, схватил подушку, запустил ее в угол, где спал Саша Самоходка. Саша заворочался, забормотал что-то, отвернул голову к стене.

- Сашка, проснись!

Бугаев запрыгал к Сашиной койке и сдернул с него одеяло. Очнувшийся Самоходка успел сцапать Бугаева за рубаху, повалил к себе на постель. Бугаев, тиская Самоходку, хохотал и приговаривал:

- Дубина ты бесчувственная. Победа, а ты дрыхнешь! Ты мне руки не заламывай. Это уж дудки! Не на того нарвался. Мы, брат, полковая разведка. Не таких вязали, понял?

- Это у меня... нога привязана...- сопел Самоходка.- Я бы тебе... вставил, куда надо...

- Бросьте вы, дьяволы! - окликнул Бородухов.- Гипсы поломаете.

- А, хрен с ними! - потрянул головой Саенко. Он дурашливо заплясал в проходе между койками, нарочно притопывая гипсовой ногой-колотушкой по паркету:

Эх, милка моя,

Юбка лыковая...

Бугаев, бросив Самоходку, принялся подыгрывать, трясся, будто бубном, шахматной доской с громыхающими внутри фигурами.

У меня теперь нога

Тоже липовая...

За окном в светлой лунной ночи сочно расцвела малиновая ракета, переспело рассыпалась гроздьями. С ней скрестилась зеленая. Где-то резко рыкнула автоматная очередь. Потом слаженно забасили гудки: должно быть, трубили буксиры на недалекой Оке.

- Братцы! - Саенко застучал кулаком в стену соседней палаты.- Эй, ребята! Слышите!

Там тоже не спали и в ответ забухали чем-то глухим и тяжелым, скорее всего, резиновым набалдашником костыля.

Прибежала сестра Таня, щелкнула на стене выключателем.

- Это что еще такое? Сейчас же по местам!

Но губы ее никак не складывались в обычную строгость. Наша милая, терпеливая, измученная бессонницами сестренка! Тоненькая, чуть ли не дважды обернутая лапами халата, перехваченная пояском, она все еще держала руку на выключателе, вглядываясь, что мы натворили.

- Куда это годится, все перевернули вверх дном. Взрослые люди, а как дети... Бугаев! Поднимите подушку. Саенко! Сейчас же ложиться! Здесь Анатолий Сергеевич, зайдет - посмотрит...

Таня подсела к Копешкину и озабоченно потрогала его пальцы.

- Спите, спите, Копешкин. Я вам сейчас атропинчик сделаю. И всем немедленно спать!

Но никто, казалось, не в силах был утихомирить пчелино загудевшие этажи. Где-то кричали, топтали ногами, выстукивали морзянку на батарее, Анатолий Сергеевич не вмешивался: наверно, понимал, что сегодня и он не властен.

Меж тем за окном все чаще, все гуще взлетали в небо пестрые ликующие ракеты, и от них по стенам и лицам ходили цветные всполохи и причудливые тени деревьев.

Город тоже не спал.

Часу в пятом под хлопки ракет во дворе пронзительно заверещал и сразу же умолк госпитальный поросенок...

Едва только дождались рассвета, все, кто был способен хоть как-то передвигаться, кто сумел раздобыть более или менее нестыдную одежду пижамные штаны или какой-нибудь халатишко, а то и просто в одном исподнем белье, - повалили на улицу. Саенко и Бугаев, распахнув для нас оба окна, тоже поскакали из палаты. Коридор гудел от стука и скрипа костылей. Нам было слышно, как госпитальный садик наполнялся бурливым гомоном людей, высыпающих из соседних домов и переулков.

- Что там, Михай?

- А-ай-ай...- качал головой молдаванин.

- Что?

- Цветы несут... Обнимаются, вижу... Целуются, вижу...

Люди не могли наедине, в своих домах, переживать эту радость и потому, должно быть, устремились сюда, к госпиталю, к тем, кто имел отношение к войне и победе. Кто-то снизу заметил высунувшегося Михая, послышался девичий возглас: "Держите!" - и в квадрате окна мелькнул подброшенный букет. Михай, позабыв, что у него нет рук, протянул к цветам куцые предплечья, но не достал и лишь взмахнул в воздухе пустыми руками.

- Да миленькие ж вы мои-и-и! - навзрыд запричитала какая-то женщина, разглядевшая Михая.- Ох да страдальцы горемычные-и-и! Сколько кровушки вашей пролита-а-а...

- Мам, не надо...- долетел взволнованно-тревожный детский голос.

- Ой да сиротинушки вы мои беспонятные-и-и! - продолжала вскрикивать женщина.- Да как же я теперь с вами буду! Что наделала война распроклятая, что натворила! Нету нашего родимова-а-а...

- Ну, не плачь, мам... Мамочка!

- Брось, Насть. Глядишь, еще объявится,- уговаривал старческий мужской голос.- Мало ли что...

- Ой да не вернется ж он теперь во веки вечные-и-и...

И вдруг грянул неизвестно откуда взявшийся оркестр:

Вставай, страна огромная,

Вставай на смертный бой...

Ухавший барабан будто отсчитывал чью-то тяжелую поступь:

Пусть ярость благородная

Вскипает, как волна...

Но вот сквозь четкий выговор труб пробились отдельные людские голоса, потом мелодию подхватили другие, сначала неуверенно и нестройно, но постепенно приладились и, будто обрадовавшись, что песня настроилась, пошла, запели дружно, мощно, истово, выплескивая еще оставшиеся запасы ярости и гнева. Высокий женский голос, где-то на грани крика и плача, как острое, пронизывал хор:

Идет война народна-йя-яя...

От этой песни всегда что-то закипало в груди, а сейчас, когда нервы у всех были на пределе, она хватала за горло, и я видел, как стоявший перед окном Михай судорожно двигал челюстями и вытирал рукавом глаза. Саша Самоходка первый не выдержал. Он запел, ударяя кулаком по щитку кровати, сотрясая и койку, и самого себя. Запел, раскачиваясь туловищем, молдаванин. Небрityм кадыком задвигал Бородухов. Вслед за ним песню подхватили в соседней палате, потом наверху, на третьем этаже. Это была песня-гимн, песня-клятва. Мы понимали, что прощаемся с ней - отслужившей, демобилизованной, уходящей в запас...

Оркестр смолк, и сразу же, без роздыха, лихо, весело трубы ударили "яблочко". Дробно застучали каблучки.

Эх, Гитлер-фашист,

Куда топаешь?!

До Москвы не дойдешь

Пулю слопаешь!

Частушка была явно устаревшая, времен обороны Москвы, но в это утро она звучала особенно злободневно, как исполнившееся народное пророчество.

И уж совсем разудало, с бедовым бабьим ойканьем, с прихлопыванием в ладоши:

Я по карточкам жила

Четыре годочка

Ненаглядного ждала

Своего дружочка!

Э-ой-ой-ой, йи-и-и-их...

Между тем начался митинг. Было слышно, как что-то выкрикивал наш замполит. Голос его, и без того не шибко речистый, простудно-сиплый, теперь дрожал и поминутно рвался.

Когда он неожиданно замолкал, мучительно подбирая нужные слова, неловкую паузу, заполняли дружные всплески аплодисментов. Да и не особенно было важно, что он сейчас говорил.

Часу в девятом в нашу дверь несмело постучали.

- Давай, кто там?! - отозвался Саша Самоходка.

- Разрешите?..

В палату вошел ветхий старичок с фанерным баулом и с каким-то зачехленным предметом под мышкой. На старичке поверх черного сюртука был наброшен госпитальный халат, волочившийся по полу.

- С праздником вас, товарищи воины! - Старичок снял суконную зимнюю кепку, показал в поклоне восковую плешь. - Кто желает иметь фотографию в День Победы? Есть желающие?

- Какие тебе, батя, фотографии,- сказал Саша Самоходка.- На нас одни подштанники.

- Это ничего, друзья мои. Уверю вас... Доверьтесь старому мастеру.

Старичок присел перед баулом на корточки, извлек новую шерстяную гимнастерку, встряхнул ею, как фокусник, перекинул через плечо, после чего достал черную кубанку с золоченым перекрестьем по красному верху.

- Это все в наших руках. Пара пустяков... Итак, кто, друзья мои, желает первым? - Старичок оглядел палату поверх жестяных очков, низко сидевших на сухом хрящевом носу.- Позвольте начать с вас, молодой человек.

Старичок подошел к Михаю и проворно, будто на малое дитя, натянул на безрукого молдаванина гимнастерку.

- Все будет в лучшем виде,- приговаривал фотограф, застегивая на растерявшемся Михае сверкающие пуговицы.- Никто ничего не заметит, даю вам мое честное слово. Теперь извольте кубаночку... Прекрасно! Можете удостовериться.- Старичок достал из внутреннего кармана сюртука овальное зеркальце с алюминиевой ручкой и дал Михаю посмотреть на себя.- Герой, не правда ли? Позвольте узнать, какого будете чину?

- Как - "чину"? - не понял Михай.

- Сержант? Старшина?

- Нэ-э...- замотал головой Михай.

- Он у нас рядовой,- подсказал Саша.

- Это ничего... Если правильно рассудить - дело не в чине.

Старичок порылся в бауле, откопал там новенькие, с чистым полем пехотные погоны и, привстав на цыпочки, пришил их к широким плечам Михая.

- Желаете с орденами?

- У него при себе нету,- ответил за Михая Самоходка.- Сданы на хранение.

- Это ничего. У меня найдутся. Какие прикажете?

- Нэ надо...- покраснел Михай, у которого, как мы знали, имелась одна-единственная медаль "За боевые заслуги".- Чужих нэ надо.

- Какая разница? Если у вас есть свои, то какая разница? - приговаривал старичок, нацеливаясь в Михая деревянным аппаратом на треноге.- Я вам могу подобрать точно такие же.

- Нет, нэ хочу.

- Скромность тоже украшает. Так... Одну секундочку. Смотреть прошу сюда... Смотреть героем! Не так хмуро, не так хмуро. Ах, какой день! Какой день!

После Михая фотограф прямо в койке обмундировал в ту же гимнастерку Сашу Самоходку. Саша, хохоча, пожелал сняться с орденами.

- "Отечественная", папаша, найдется? - спросил он, подмигивая Бородухову.

- Пожалуйста, пожалуйста.

- И "Славу" повесь.

- Можно и "Славу". Можно и полного Кавалера,- нимало не смутившись, предложил старичок, видимо поняв, что Саша все обращает в шутку.

- А ты, папаша, в курсе всех регалий! Тогда валяй полного! Дома увидят - ахнут. Только не пойму,- изумленно хохотал Самоходка,- как же меня с такой ногой? Койка будет видна.

- Все сделаем честь по форме. Была бы голова на плечах - будет и фотография. Так я говорю? - тоже шутил старичок, морщась в улыбке.- Зачем нам кровать? Кровать солдату не нужна. Все будет, как в боевой обстановке.

Фотограф выудил из баульчика полотнище с намалеванным горящим немецким танком.

- Подойдет? Если хотите, имеется и самолет.

- Давай танк, папаша! - покатывался со смеху Самоходка.- А гранату не дашь? Противотанковую?

- Этого не держим,- улыбнулся старичок.

На карточке должно было получиться так, будто Саша находился не на госпитальной койке в нижнем белье, а на поле сражения.

Он якобы только что разделался с немецким "тигром" и теперь, сдвинув набекрень кубанку, посмеивается и устраивает перекур.

- Ну и дает старикан! - реготал Самоходка.

- В каждом деле, молодой человек, имеется свое искусство.

- Понимаю: не обманешь - не проживешь, так, что ли?

- Это вы напрасно! К вашему сведению, я даже генералов снимал и имею благодарности.

- Тоже "в боевой обстановке"?

- Веселый вы человек! - жиденько засмеялся старичок и погрозил Самоходке коричневым от проявителя пальцем.

На меня гимнастерка не налезла: помешала загипсованная оттопыренная рука.

- Хотите манишку? - вышел из положения старичок, который, видимо, уже давно специализировался на съемках калек и предусмотрел все возможные варианты увечья.- Не беспокойтесь, я уже таких, как вы, фотографировал. Уверяю вас: все будет хорошо.

Но манишки, а попросту говоря - нагрудника с пуговицами, я устыдился и не стал сниматься. Отказался и Бородухов, проворчавший сердито:

- Обойдусь. Скоро сам домой приеду.

- Тогда давайте вы.- Старичок цепким взглядом окинул Копешкина, должно быть прикидывая, какие можно к нему применить декорацию и реквизит, чтобы и этому недвижимому солдату придать бравый вид.

- К нему, дед, не лезь,- сказал строго Бородухов.

- Но, может быть, он желает?

- Ничего он не желает. Не видишь, что ли?

- Понимаю, понимаю,- старичок приложил палец к губам и на цыпочках отошел от койки.- Хотя можно было и его... Что-нибудь придумали б... У меня, знаете, были очень трудные случаи...

- Давай кончай...

- Тогда счастливо выздоравливать. Фотографии только через десять дней. Много работы. Тула... Владимир... Это все моя зона. Что поделаешь. Нету хороших мастеров, нету... Ах, такой день, такой день! Слава богу, дожили наконец...

Он зачехлил аппарат, сложил в баул все свои бибехи, галантно раскланялся, доставая кепкой до пола, и неслышно вышмыгнул за дверь.

- Трупоед...- сплюнул Бородухов.

Госпитальный садик все еще гудел народом. Играла музыка - все больше вальсы, от которых щемило сердце.

Саенко и Бугаев вернулись в палату с красными бантами на пижамах и с охапками черемухи.

Перед обедом нам сменили белье, побрились, потом, зареванная по случаю праздника, с распухшим носом, тетя Зина разносила янтарно-желтый суп из кабана.

- Кушайте, сыночки, кушайте, родненькие,- концом косынки она утирала мокрые морщинистые щеки.- Суп-то нынче добрый... Ох ты, господи! А я как услышала, так и села. Сколько по этим-то итажам выбегала, сколь носилок перетаскала и - ничего. А тут хочу, хочу встать, а ноги как не мои... Да неужто, думаю, все уже кончилось? Аж не верится. Какого супостата одолели, какою юдолю вытерпели. Как вспомню, как вспомню...

Слезы опять выступили на ее глазах, она торопливо утерлась и тут же улыбнулась, просветлела лицом.

- Кушайте, кушайте, а я пойду котлеток принесу. Поправляйтесь на здоровье, уж теперь недолго осталось...

Дверь распахнулась от толчка сапогом, в палату грузно протиснулся начхоз Звонарчук с неузнаваемо обвисшими усами на широком потном лице.

- Погодьте, погодьте исты!

На вытянутых руках он нес медный самоварный поднос с несколькими темно-красными стаканами.

- З победою вас, товарищчи!- поздравил он усталым, по-детски тонким голоском.- Скильки вас у палати?

- Семеро осталось.

- Ага, точно... Тут вам вид имени администрации... Саенко, распорядысь.

- Есть распорядиться! - Саенко с готовностью подпрыгал к подносу и составил стаканы на Михаеву тумбочку.- Давайте с нами, товарищ начхоз. За Победу.

- Ни, хлопци. Нема часу.- Он вытер рукавом халата потный лоб.- У мэни ще сто двадцать душ. Ух ты, чертяка, запальвси як...

Начхоз еще раз поглядел на стаканы: то ли пересчитывал в уме для отчетности, то ли просто так - как на произведение собственной расторопности. Видно, это вино досталось ему нелегко.

- Так вы давайте... А то суп охолонет.

- Спасибо.

- Було б за що.

Он ушел.

Саенко осторожно, чтобы не пролить, не прыгая, как всегда, а волоча раненую ногу по полу, при полном молчании всех присутствующих, разнес стаканы по тумбочкам. Лицо его при этом было озабоченным и строгим, а нижняя губа аскетически поджата, словно у ксендза при свершении исповеди.

Да и правда, эти рубиново-красные, наполненные до краев стаканы воспринимались в нашей бесцветно-белой палате как нечто небывало-торжественное, обещали какое-то таинство.

Минуту-другую каждый молча созерцал свой стакан.

- Ну что, солдаты... Что задумались? Давайте колыхнем, что ли...предложил Саенко.

- Да давайте.

- Пусть сперва Михай,- сказал Бородухов.

- Верно, пусть он сперва. А то как же ему...

- Это само собой.- Бугаев взял Михаев стакан.- Ты давай присядь, а то не дотянись.

Михай послушно сел на край койки, запрокинул голову.

- Ну, браток... за Победу!

- Ага.

- Жаль, нельзя с тобой чокнуться...

По лицу Михая скользнула виноватая улыбка.

- Ну ничего... поехали.

Мы посмотрели, как Бугаев, наклоняя стакан, вылил вино в птенцово раскрытый рот молдаванина.

- Во, парень,- удовлетворенно сказал Бугаев.- Это дело. Ничего, наловчишься...- Он вытер пижамным рукавом Михаев подбородок, по которому скользнула алая струйка, и, зачерпнув из супа картофелину, дал ему закусить.- Я одного такого знал, как ты, так он приспособился: зубами брал стакан за край и высасывал все до доньшка!..

- Вино пить можно. А как его теперь дэлать будешь? - Михай потрянул узлами рукавов.- Вину руки нужны.

- Ничего, браток! Не падай духом. Жинка поможет

- А-ай-ай...- Михай покачал головой.

- Ну, будет, будет про это...- прервал Бородухов и степенно провозгласил: - Давайте, робяты, за дальнейшую нашу жисть выпьем... Как она дальше пойдет... Что было - то было, будь оно неладно! Живым жить, живое загадывать.

Мы выпили.

Прибежала Таня, поздравила с праздником, поставила на нашу с Копешкиным тумбочку букет подснежников, принялась кормить его с ложки.

Копешкин, глотая жижу, морщился, пускал пузыри.

- Ты ему винца вплесни,- посоветовал Саенко.

- Вы что, смеетесь?

- А что? Пусть солдат разговееется.

- Ему же нельзя.

- Дай, дай ему. Отпусти ты его душу на волю. Вот увидишь, полегчает с вина-то.

- Не говорите глупостей.

- Ох уж эти лекари! Хуже жандармов. Может, ему только и осталось, что посошок выпить. Сердца у вас нету.

- Все, славяне! Завтра буду проситься на выписку,- решительным тоном сказал Саша Самоходка.

Таня посмотрела в его сторону, укоризненно покачала головой.

- Не выпишут - убегу. Тань, поехали со мной, а? На Волгу. Красота!

- По дороге потеряешь,- засмеялась Таня.

- Честное гвардейское! Я ведь к тебе, можно сказать, привык. Осталось только расписаться.- Саша заметно охмелел, да и все тоже порозовели, заблестели глазами.- Ребята, поехали? Нашими дружками будете. Такую свадьбу сварганим... Эх, и хорошо у нас, братцы! Деревня высоко-высоко, а внизу Волга... Всю видать, на пятнадцать верст туда и сюда. Парохода идут, гудки, бакены по вечерам... Михай, поехали?

- Нэ-э, я домой.

- Что у тебя там? Успеешь.

- Как что? - Михай вскинул рыжие брови.- Как что? Не был - не говори!

- Нет, брат.- Самоходка мечтательно уставился в потолок.- Где Волга не течет, там не жизнь.

- Зачем зря говоришь? Зачем? А виноград у вас есть? А вино наше пил? Нэ пил.

- Квас, знаю.

- Что понимаешь? - горячился Михай.- Давай спорить! Квас, да? Налью тебе кружку, вот такую большую,- он сдвинул культи, показывая, какую кружку нальет Самоходке.- Пей, пожалуйста! Выпьешь - под бочку упадешь. Как мертвый будешь. Э-э, что говоришь - нету жизни. Поедем - увидишь. Что Волга? Что Волга? Мы воду нэ пьем, мы вино пьем. Молдова, понял?

- Что ж вы не едите? - Качала головой Таня, насильно вливая Копешкину бульон.- Ну съешьте еще хоть ложечку. Горе мне с вами...

- А у нас на Мезени пиво теперь варят.- Бородухов, только что побритый, в свежей рубашке, чинно прихлебывал наваристый суп, всякий раз подпирая доньшко ложки куском хлеба.

- Сегодня везде празднуют,- сказал Саенко.

- Празднуют, да не так. У нас, на Мезени-то, бабы старинное надевают. Хороводы водят, песни поют. А потом сядут в лодки да по Мезени... А пиво я люблю чтоб с брусникою.- Бородухов выразительно побрякал, провел ладонью по рту, будто обтер пивную пену.- Благо! Давно не пивал.- И добавил задумчиво: Оно, поди, теперь не из чего варить...

Таня кое-как покормила Копешкина и, сама больше намучившись, ушла.

Ей надо было смениться еще в девять утра, но она осталась помогать по случаю праздника. И было жаль, что еще не посидела с нами. Самоходка прав: мы привыкли к ней и - чего уж темнить! - почти все были тихо влюблены в нее...

Вино разбередило, ребята зашумели, заспорили, где жить лучше. Вмешались Саенко с Бугаевым, стали рассказывать о Сибири.

Оба были родом из-за Урала, только Саенко происходил из степных алтайских хохлов, а Бугаев - коренной енисейский чалдон.

"Сколько разных мест на земле",- думал я, слушая разговоры.

Лежали раненые и в других палатах, и у них тоже были где-то свои единственные родные города и деревни. Были они и у тех, кто уже никогда не вернется домой... Каждый воевал, думая о своем обжитом уголке, привычном с детства, и выходило, что всякая пядь земли имела своего защитника.

Потому и похоронные так широко разлетались, так густо усеяли русскую землю...

- Тише, ребята...- Бородухов первый заметил, как Копешкин зашевелил пальцами.- Чего тебе, браток?

Мы насторожились.

- Пить?

Копешкин отрицательно пошевелил кистью руки

- Утку?

Копешкин поморщился.

Припрыгал Саенко, наклонился над ним.

- Ты чего, друг?

Копешкин что-то шепелявил сухими ломкими губами.

- Так, так... Ага, понял...- Саенко закивал и перевел нам:- Говорит, у них тоже хорошо жить. Давай, давай, Копешкин, расшевеливайся! Вот молодец! Ну-ка, расскажи, как там у вас... Это где ж такое? А-а, ясно... Пензяк ты. Ну, и что там у вас?

- Хорошо тоже...- разобрал я слабый, будто из-под земли, голос Копешкина.

- Заладил: хорошо да хорошо... А что хорошего-то? Лес есть или речка какая?

Копешкин пытался еще что-то сказать о своих местах, но не смог, обессилел и только облизал непослушные губы.

Мы помолчали, ожидая, что он отдышится, но Копешкин так больше и не заговорил.

В палате воцарилась тишина.

Я пытался представить себе родину Копешкина. Оказалось, никто из нас ничего не знал об этой самой пензенской земле. Ни какие там реки, ни какие вообще места: лесистые ли, открытые... И даже где они находятся, как туда добираться. Знал я только, что Пенза где-то не то возле мордвы, не то по соседству с чувашами. Где-то там, в неведомом краю, стоит и копешкинская деревенька с загадочным названием - Сухой Житень, вполне реальная, зримая, и для самого Копешкина она - центр мироздания.

Должно быть, полощутся белесые ракиты перед избами, по волнистым холмушкам за околицей - майская свежесть хлебов. Вечером побредет с лугов стадо, запахнет сухой пылью, скотиной, ранний соловей негромко щелкнет у ручья, прорежется молодой месяц, закачается в темной воде...

Я уже вторую неделю тренировал левую руку и, размышляя о копешкинской земле, машинально чиркал карандашом по клочку бумаги. Нарисовалась бревенчатая изба с тремя оконцами по фасаду, косматое дерево у калитки, похожее на перевернутый веник. Ничего больше не придумав, я потянулся и вложил эту неказистую картинку в руки Копешкина. Тот, почувствовав прикосновение к пальцам, разлепил веки и долго с вниманием разглядывал рисунок.

Потом прошептал:

- Домок прибавь... У меня домок тут... На дереве...

Я понял, забрал листок, пририсовал над деревом скворечник и вернул картинку.

Копешников, одобряя, еле заметно закивал заострившимся носом.

Ребята снова о чем-то заспорили, потом, пристроив стул между Сашиной и Бородуховой койками, шумно рубились в домино, заставляя проигравшего кукарекать. Во всем степенный Бородухов кукарекать отказывался, и этот штраф ему заменяли щелчками по роскошной лысине, что тут же исполнялось Бугаевым с особым пристрастием под дружный хохот. Михай в домино не играл и, уединившись у окна, опять пел в закатном отсвете солнца, как всегда глядя куда-то за петлявшую под горой речку Нару, за дальние вечеряющие холмы. Пел он сегодня как-то особенно грустно и тревожно, тяжело вздыхал между песнями и надолго задумывался.

Прислоненная к рукам Копешкина, до самых сумерек простояла моя картинка, и я про себя радовался, что угодил ему, нарисовал нечто похожее на его родную избу. Мне казалось, что Копешкин тихо разглядывал рисунок, вспоминая все, что было одному ему дорого в том далеком и неизвестном для остальных Сухом Житне.

Но Копешкина уже не было...

Ушел он незаметно, одиноко, должно быть, в тот час, когда садилось солнце и мы слушали негромкие Михаевы песни.

А может быть, и раньше, когда ребята стучали костяшками домино. Этого никто не знал.

В сущности, человек всегда умирает в одиночестве, даже если его изголодые участливо окружают друзья: отключает слух, чтобы не слушать ненужные сожаления, гасит зрение, как гасят свет, уходя из квартиры, и, какое-то время оставшись наедине сам с собой, в немой тишине и мраке, последним усилием отталкивает челн от этих берегов...

Пришли санитары, с трудом подняли с кровати тяжелую, промокшую гипсовую скорлупу, из которой торчали, уже одеревенев, иссохшие ноги Копешкина, уложили в носилки, накрыли простыней и унесли.

Вскоре неслышно вошла тетя Зина со строгим, отрешенным лицом, заново застелила койку и, сменив наволочку, еще свежую, накрахмаленную, выданную сегодня перед обедом, принялась взбивать подушку.

Я онемело смотрел на взбитую подушку, на ее равнодушную, праздную белизну, и вдруг с пронзительной очевидностью понял, что подушка эта уже ничья, потому что ее хозяин уже ничто... Его не просто вынесли из палаты его нет вовсе. Нет!.. Можно было догнать носилки, найти Копешкина где-то внизу, во дворе, в полутемном каменном сарае. Но это будет уже не он, а то самое непостижимое нечто, именуемое прахом. И это все? - спрашивал я себя, покрываясь холодной испариной.- Больше для него ничего не будет? Тогда зачем же он был? Для чего столь долго ожидал своей очереди родиться на земле? Эта возможность его появления сберегалась тысячелетиями, предки пронесли ее через всю историю - от первобытных пещер до современных небоскребов. Пришло время, сошлись, совпали какие-то шифры таинства, и он наконец родился...

Но его срезало осколками, и он снова исчез в небытие... Завтра снимут с него теперь уже ненужную гипсовую оболочку, высвободят тело, вскроют, установят причину смерти и составят акт.

- Ох ты,- проговорила нянька, подняла с пола оброненную санитарями картинку с копешкинской избой и прислонила ее к нетронутому стакану с вином.

Картинка была моей вольной фантазией, но теперь нарисованная изба обратилась в единственную реальность, оставшуюся после Копешкина. Я теперь и сам верил, что такая вот - серая, бревенчатая, с тремя окнами по фасаду, с деревом и скворечником перед калиткой,-

такая и стоит она где-то там, на пензенской земле. В это самое время, в час сумерек, когда санитары укладывают Копешкина в госпитальном морге, в окнах его избы, должно быть, уже затеплился жидкий огонек керосиновой лампы, завиднелись головенки ребятишек, обступивших стол с вечерней похлебкой. Топчется у стола жена Копешкина (какая она? как зовут?), что-то подкладывает, подливает... Она теперь тоже знает о Победе, и все в доме - в молчаливом ожидании хозяина, который не убит, а только ранен, и, даст бог, все обойдется...

Странно и грустно представлять себе людей, которых никогда не видел и наверняка никогда не увидишь, которые для тебя как бы не существуют, как не существуешь и ты для них...

Тишину нарушил Саенко. Он встал, допрыгал до нашей с Копешкиным тумбочки и взял стакан.

- Зря-таки солдат не выпил напоследок,- сказал он раздумчиво, разглядывая стакан против сумеречного света в окне.- Что ж... Давайте помянем. Не повезло парню... Как хоть его звали?

- Иваном,- сказал Саша.

- Ну... прости-прощай, брат Иван.- Саенко плеснул немного из стакана на изголовье, на котором еще только что лежал Копешкин. Вино густо окрасило белую крахмальную наволочку.- Вечная тебе память...

Оставшееся в стакане вино он разнес по койкам, и мы выпили по глотку. Теперь оно показалось таинственно-темным, как кровь.

В вечернем небе снова вспыхивали праздничные ракеты.

* Носов Е. И. Красное вино Победы // Носов Е. И. Красное вино Победы: рассказы / Евгений Носов; [посл. Д. Шеварова]; худож. Л. Башков, Ю. Далецкая. – М.: Дет. лит., 2011. – 343 с.; ил. – (Школьная библиотека). – С. 199-219.

Вопросы по произведению:

1. Как вы думаете, что чувствовали солдаты в последние дни войны в предвкушении Победы? Что почувствовали, узнав о Победе?
2. Почему в День Победы жители города собрались у госпиталя?
3. Почему большинство раненых не хотели фотографироваться?
4. Как вы думаете, откуда у фотографа награды, с которыми он фотографирует желающих?
5. Почему Бородухов назвал фотографа трупоедом?
6. «В каждом деле... имеется свое искусство.» - говорит фотограф. Согласны ли вы с ним? Имеется ли искусство в его деле?
7. Почему все раненые немного влюблены в Таню?
8. Почему Михай так разгорячился, рассказывая Саше Самоходке о Молдове?
9. Почему все стали вспоминать и рассказывать о своих родных местах? Какое значение это имело для солдат? Почему и Копешкину, несмотря на отсутствие сил, важно было рассказать о своей малой родине?
10. Как вы думаете, то, что Копешкин умер именно в День Победы, – просто совпадение или нет?

11. Как раненые солдаты помянули Копешкина?
12. Почему Носов дал произведению такое название – «Красное вино победы»?
13. Какие эмоции возникли у вас, когда вы слушали этот отрывок?

Рождественский Р. Реквием

Вопросы по произведению:

1. А вы помните о погибших на войне?
2. Какое настроение создает поэма?
3. Что вы вкладываете в понятие «Родина?»
4. Как вы думаете, нужна ли работа групп поиска, которые ведут работу по восстановлению имен погибших безымянных героев? Нужно ли в наше время ставить памятники на местах безымянных ранее могил? Почему?
5. Ответьте на вопрос, звучащий в поэме: Для чего она им, эта слава, - мертвым? (Это нужно – не мертвым! Это надо – живым!) Зачем это живым?